

В актуальном и сейчас, по прошествии почти полувека, эссе Григорий Померанц обращается к теме незавершённости человека, накладывающей отпечаток на всю нашу цивилизацию. Говорят, что человек – животное, делающее орудия. Но орудия умели делать и австралопитеки. Человек – это существо, угадавшее свою незавершённость и ищущее завершения в иконе. В иконе зверя. В иконе Бога. В иконе ангела. В иконе Ничто и пустоты. В иконе Будды, бодхисатвы. В какой-то иконе. Вся человеческая жизнь и жизнь социума – это вереница сменяющих друг друга икон.

* * *

Говорят, что человек – животное, делающее орудия. Но орудия умели делать и

австралопитеки. Другие говорят, что человек – существо разумное. Но что это значит? Умение фиксировать частные связи? Оно есть и у животных. Понимание Целого? Но оно требует знания границ своего разума.

Разум – та же плоть. Плоть, способная родить дух, способная принять образ (Божий, дьявольский?), но сама по себе – только плоть.

Без понимания своих границ разум, даже очень-очень большой, остался бы автоматом в лапах у зверя. Но перед глазами смутно мелькнуло Целое, и тварь поняла, что разум бессилён схватить его. Тогда первый человек стал мастерить первую икону.

Человек – это существо, угадавшее свою незавершенность и ищущее завершения в иконе. В иконе зверя. В иконе Бога. В иконе ангела. В иконе Ничто и пустоты. В иконе Будды, бодхисатвы. В какой-то иконе. Изготовление орудий развило разум животного. Но человек – это существо, мастерающее иконы.

Почти все человеческое знание можно разделить на три класса. Первый – это частное,

техническое знание, важное для решения отдельных задач, но безразличное для понимания Целого. Сюда входит все научное знание (в смысле science); самые общие категории, которые знает наука, – это только частности по отношению к Целому, общие формы решения задач в пространстве и времени.

Во-вторых, это – знание Целого, но неясное, недостоверное, скорее чувство, смутное чувство связи.

В-третьих, это – знание иконы – знание двери, через которую непостижимое входит в нас и познает нас (а мы его) в духовной нищете, в ночи разума, как Амур познал Психею. Само по себе (помимо иконы) ночное познание – не знание, оно не выдерживает света разума, не поддается переводу на дневной язык. Как только Психея зажигает огонь, чтобы увидеть бога, обнимавшего ее, узнать его как предмет, имеющий форму и границы, разглядеть отдельные черты, – все исчезает, и душа остается одна в огромном пустом мире.

История культуры – это история икон. Дело веры – какую выбрать (или не выбирать никакой) и пытаться увидеть Целое без покровов; из таких попыток в конце концов всегда рождается новая икона, писанная красками или мысленная: Дао, нирвана. Нельзя полюбить по правилам. Решает все существо, иногда вопреки разуму...

Но есть несколько крупиц достоверного знания, общего для всех, по крайней мере – для всех ищущих. Это достоверное знание я мог бы вместить в несколько предложений: есть душевная глубина. У детей она то всплывает, то исчезает. У взрослых, занятых делом, она чаще закрывается наглухо. Но можно раскрыть свою глубину настежь, так, что дверь уже никогда не запирается, а только притворяется, и ее всегда легко снова открыть. Тогда человек чувствует себя восполненным. Он чувствует, что сделал главное. Все остальное – потом. Потом – есть, пить и одеваться. Сперва Богу Богово, потом кесарю кесарево.

Все сказанное может быть проверено – и было проверено. Оно так же бесспорно, как то, что Данте – поэт (хотя не все читали Данте и не все, прочитав, поняли).

Из достоверных истин вытекают другие, менее достоверные, за которые ручается все больше и больше логика, все меньше и меньше – непосредственное чувство.

Любое достоверное положение можно развить и сказать, например, следующее:

– Есть душевная глубина или высота, на которой не остается ничего чужого, никакой разорванности, запутанности, заброшенности, отовсюду можно черпнуть понимание и любовь.

– Ребенок мягок и неустойчив. Взрослый тверд и устойчив. Твердые, устойчивые представления непроницаемы для неожиданного, чудесного. **Взрослый видит не мир, а только схему мира**
план-чертеж без глубины...

– Есть, пить и одеваться – необходимо. Никто не говорит, что можно обойтись без еды. Или без мочеиспускания. Можно не ходить в церковь, в консерваторию, даже в партком, но нельзя не ходить в уборную. И все-таки уборная никогда не становится центром культуры...

Человек создал бога по образу своему и подобию; бог отплатил ему тем же. Нет бога без человека, и нет человека без бога (или какой-то другой незримой иконы, равносильной богу).

Все это началось с первой капельки жизни. Уже эта капелька была образом и подобием Целого. Но она не сознавала этого. Дух – всего только отпечаток целостности в уме. Сознание целостности мира и самосознание целостности жизни – очень смутное, очень неровное, все время застревающее на своих неловких словах. Прислушиваясь к биению Целого, дух создает свои иконы – зримые и незримые, тянется к ним как к самому Целому и пытается завершиться в них как в самом Целом. Но Целое – по ту сторону икон, по ту сторону всего, сказанного словом, по ту сторону бога. И когда икона становится идолом, дух Целого отлетает к иконоборцам, и вдохновленный Святым Духом Прометей объявляет войну богам.

Носителем жизни становится разрушитель, не признающий ничего недоступного скальпелю своего разума, ничего подлинно таинственного, ничего святого. Ибо дух Целого восстает против всякой инерции, против всякого продолжения частного в бесконечность. И когда частным, продолженным в бесконечность, становится икона Целого, ее нужно сбросить с алтаря. И когда сознание тайны становится схоластикой, сосчитавшей число дьяволов на кончике иглы, оно должно уступить первое место наукам, прямо направленным к тому, что можно взвесить и сосчитать.

Это движение духа не есть самоуничтожение. То, что уничтожается, – только грубая краска, покрывшая первоначальное тонкого древнего письма изображение. Но критика не признаёт этого и пытается стереть предание о святине, оставить только чистую доску, чтобы на ней писать письма своего разума.

Тогда она исчерпывает себя. На место религиозного догматизма и фанатизма встает научный догматизм и фанатизм. И подобно догматическим религиям, наукопоклонство раскалывается на враждебные секты, готовые сжечь земной шар, лишь бы восторжествовала их собственная, единственно истинная версия научной идеологии. В этих распрях сциентизм – как христианство в XVI–XVII вв. – сам себя подрывает. И подымается новая волна веры в Целое, и дух снова обращается к древним святыням и заново пытается их понять.

Сумеем ли мы это? Поймем ли мы, что «бог» – только незримая икона, созданная человеческим умом, попытка передать свое впечатление от непостижимого Целого, источника жизни; что бог создан человеком, но в то же время и человек создан Богом, и если рухнет Бог, то рухнет и человек; и жить по-человечески – значить жить в Боге, жить в русле религиозной традиции, свободно понятой и свободно принятой.

В интеллигенте незавершенность доходит до такой невыносимости, что, кажется, выход только в одном: перестать быть интеллигентом. Палеолитический человек, угнетаемый непонятными искорками человечности, хотел стать бобром, лисой, оленем и воплотил этот идеал в тотеме. Интеллигент, угнетаемый непонятными ему искорками интеллигентности, хотел стать семипудовой купчихой и поверить во всё, во что она верит, и воплотил этот идеал в сермяжной правде, и в твердокаменном пролетарии, и в белокурой бестии, и во многих других, менее известных тотемах: лишь бы без интеллигентской расшатанности. А выход совсем с другого конца: в том, чтобы стать интеллигентом до конца, чтобы просветился не только интеллект – чтобы просветился и дух.

Нынешние лакеи, смердяковы, потеряли Бога. Нынешние интеллигенты ищут Его. Религия перестала быть приметой народа. Она стала приметой элиты. Народа (в смысле народа-богоносца, источника духовных ценностей) вообще нет. Есть неврастенические интеллигенты и масса. Голодная, она беспокойна; накормленная, она становится самодовольным мещанством.

Принято считать, что настоящая религия – это религия крестьян. А у интеллигентов – одни порывы. Я думаю, напротив, что настоящая религия – это религия Нагарджуны и Шанкары, Дионисия Ареопагита и Мейстера Экхарта. А крестьяне несовершенны в религии так же, как и в агрономии. Это не мешало им на свой примитивный лад быть хорошими хозяевами и хорошими людьми, но всё в прошлом: для человечества патриархальные добродетели безнадежно потеряны. В лучшем случае их еще можно отыскать в глухих углах Сибири, в Африке, Океании... Пока. Ненадолго.

Религии медленно меняются. Их день – сотни, тысячи лет. То, что для науки давно изжито, в религии – еще вчера, позавчера, иногда даже сегодня. В религии сохранилось больше предрассудков, чем в науке. Но это не значит, что в религии только предрассудки. В конце концов, и наука начиналась с магии, шаманской медицины и алхимии. Если она сейчас распространилась со всем этим, то потому, что наука развивалась учеными, и только учеными; теория Коперника не нуждалась в том, чтобы ее понимали мужики. А религия – хранительница целостного образа человека и общества – не могла двигаться быстрее, чем двигался средний человек, и в том числе средний ученый, если вынуть его из пробирки и поместить в естественную среду. Религия – с тех пор как исчезло племенное равенство – всегда была компромиссом между философом и мужиком. Сейчас, когда мужики стали исчезать, этот компромисс в чем-то потерял смысл. То, что вчера было народным, всеобщим, становится изысканным примитивом. Приходится ездить за ним на Таити. Да и на Таити сейчас больше гостиниц, чем примитивов. И может быть, это не так плохо. Может быть, это даже хорошо. Интеллигенты всегда с трудом уживались с крестьянской, примитивной символикой. Интеллигенты всегда порывались очистить религию от магии, превратив ее в чистое созерцание, в собирание души, в школу благоговения. И сейчас для этого представилась полная возможность. Мы остались наконец одни – перед лицом пустоты. Нет больше народной купели, в которой Фауст омывал свою страдальческую грудь. Надо выпутываться самим, и можно сделать это по-своему.

Пока что ясно одно: мы несколько поторопились вслед за В. Г. Белинским порвать с церковной традицией. Я не думаю, что интеллигенция должна принять эту традицию (да и какую бы то ни было традицию) безусловно. Но мы можем присутствовать в поле,

созданном ядрами церквей, войти в дух, веющий над омертвелыми буквами, и причаститься этому духу. Возможно, люди скажут про нас, что мы унизились до предрассудков Марфы Ивановны (кухарки Ф. П. Карамазова). Это не так. Но пусть говорят: предрассудки Марфы Ивановны всё же гораздо менее отвратительны, чем рассудок ее воспитанника, Павла Федоровича Смердякова.

1964–1966

[Обсудить статью на форуме](#)

[Предыдущая статья](#) :: [Оглавление](#) :: [Следующая статья](#)